

ЛЕГЕНДАРНЫЕ
ГЕРОИ

НАЧДИВ ЧЕТЫРНАДЦАТЬ

Юр. КАМЕНСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» 1974

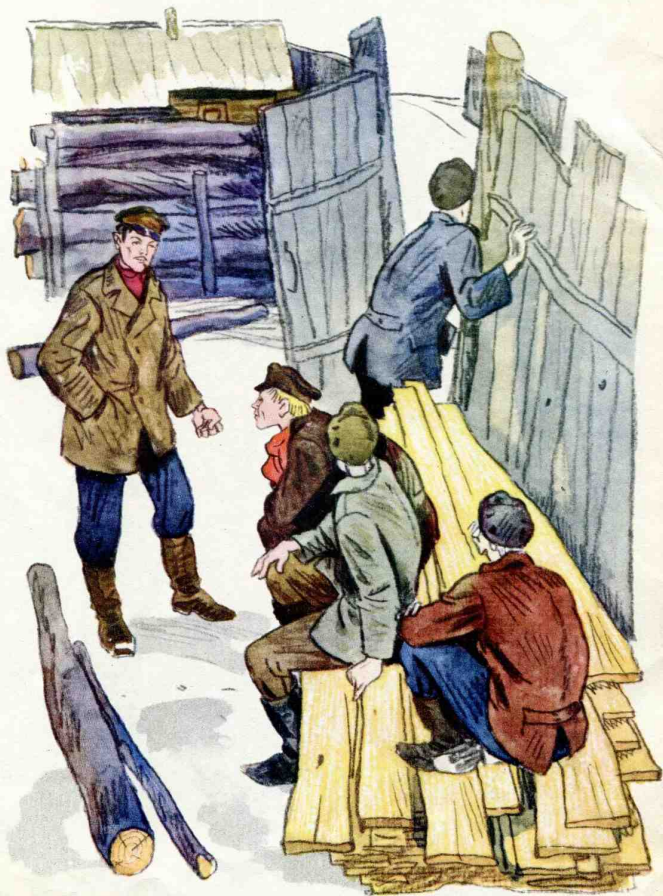
РИСУНКИ М. ПЕТРОВА

ЮР. КАМЕНСКИЙ

НАЧДИВ ЧЕТЫРНАДЦАТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» • 1974 г.

ПЕРВЫЙ БОЙ

Октябрьским днём 1905 года отряд дружинников из пяти человек разместился за забором дровяного склада на штабеле досок. Отсюда хорошо была видна городская улица. Дружинники уже целый час находились здесь. Один из них, высокий широкоплечий парень, должно быть, старший, спросил:

- Ну что, дружинники, к бою готовы?
- Готовы, Лавруша.

Внезапно совсем близко они услышали:

«На бой кровавый, святой и правый
Марш, марш вперёд, рабочий народ!...»

— Наши идут!

В начале улицы слева от дружинников появились демонстранты. Впереди несли красное знамя, а за ним — плакаты: «За восьмичасовой рабочий день!» «Прибавку к заработной плате!»

Вдруг кто-то из дружинников крикнул:

— Чёрная сотня!

На другом конце улицы показалась толпа. Она двигалась демонстрантам навстречу.

— Револьверы на боевой взвод! Без команды не стрелять! — предупредил Лавруша. — Чёрная сотня хочет разогнать демонстрацию рабочих Луганска. Мы должны будем защитить своих товарищей. Так приказал городской комитет большевиков.

Черносотенцы шли, размахивая дубинками над головами.

«Боже, царя храни...» — запели они гимн царской России.

Толпа приближалась к складу. Впереди двое несли портрет царя.

— Товарищи, смотрите! — воскликнул худенький черноволосый дружинник, — сколько торгашей набралось. Вон Гуленко — мясник с сыном; Савченко, хозяин бакалейной лавки. И ещё, и ещё...

— А там, видите, Петька-Кривой вышагивает — первый бандит в нашем Луганске. И с ним его шайка, — добавил усатый мужчина.

— Это ещё не всё, — сказал Лавруша, — в толпе есть переодетые полицейские. Специально из других городов прислали. Вот какой сброд царская власть собрала, чтоб интересы наших хозяев защищать.

Демонстранты и толпа черносотенцев сближались. Между ними осталось шагов тридцать.

Черносотенец в картузе с лакированным козырьком и четырёхугольной окладистой бородой крикнул:

— Постоим за царя-батюшку! Бей! — и, размахивая дубинкой, побежал вперёд.

— Бей, бей!.. — заорали другие, следуя за ним.

— В воздух пли! — прозвучала команда Лавруши.

Толпа черносотенцев остановилась — дружинников заметили, стали в них стрелять.

— Ложись! — загремел бас Лавруши.

Бородатый двинулся вперёд, подбежал к знаменосцу и ударил его дубинкой. Знаменосец упал. Знамя распласталось на мостовой. Черносотенец стал топтать знамя сапогами.

Лавруша выстрелил. Бородатый присел и завыл: «Убива-а-ют...» Раненный в ногу, он пополз к своим, те метнулись назад.

Толкая друг друга, черносотенцы побежали прочь от демонстрантов, волоча за собой бородатого.

Кто-то из демонстрантов подхватил знамя, и оно снова поднялось вперёд. Знаменосца вели под руки. Дружина Лавруши присоединилась к своим товарищам.

* * *

Вечером на тайной квартире Лавруша рассказывал руководителю луганских большевиков Ворошилову про стычку с чёрной сотней.

Ворошилов слушал внимательно командира боевой дружины, смотрел в его весёлые серые глаза, на крутой подбородок, на чернеющие над губой усы и вспоминал крестьянского мальчика-подростка Сашу Пархоменко из деревни Макаров Яр.

Всего пять лет назад пришёл Саша на завод Гартмана и стал работать учеником шлифовщика.

«Незаметно в какого молодца вырос. В партию его приняли. Рабочим вожаком стал, — думал Ворошилов, — партийную кличку получил — Лавруша».

Выслушал он Пархоменко и сказал:

— Молодец! С победой тебя!

* * *

Лавруша — Александр Пархоменко, продолжал выполнять задания партии большевиков.

За ним следили царские жандармы, схватывали его и сажали в тюрьму.

Но только его выпускали, как он снова включался в революционную борьбу.

Когда в 1914 году началась война царской России с Германией, Александра Пархоменко взяли в армию.

Свершилась в 1917 году Октябрьская Социалистическая революция, и Александр Пархоменко стал командиром Красной Армии.

О его легендарных подвигах в гражданской войне и рассказывается в этой книге.

НОЧНАЯ ОПЕРАЦИЯ

В апреле 1917 года в один из солнечных дней на главной улице Луганска — Петербургской — шёл высокий плечистый человек. Он был в солдатской форме, но без погон. Шинель держал в руке.

На многих домах от лёгкого ветерка развевались красные флаги. То и дело попадались прохожие с красными бантами на груди. Солдат шёл не спеша, смотрел по сторонам и улыбался.

Вдруг его кто-то схватил за руку.

— Лавруша! Ты ли это?

— Семён!

Пархоменко сразу узнал своего бывшего дружинника. Они обнялись и расцеловались.

— Меня вызвал Луганский комитет большевиков, — сказал Пархоменко. — Прибыл революцию делать. Царя сбросили, теперь у буржуев надо отбирать заводы и фабрики и отдавать рабочим.

* * *

После возвращения Пархоменко в Луганск прошло больше четырёх месяцев.

В комнате с высокими окнами за длинным столом сидели красногвардейцы, и среди них Пархоменко.

— Товарищи командиры, заседание штаба Красной гвардии считаю открытым, — объявил Пархоменко. Он встал, склонился к столу и опёрся о его край руками.

— В Луганске теперь власть наша, — продолжал он. — Завоевать сумели, надо суметь удержать. Мы опора новой власти и должны защищать её.

— Разрешите, товарищ начальник штаба, — прервал Семён. — Оружия у нас не хватает.

— Знаю, — Пархоменко хитро посмотрел на Семёна. — Будем добывать его. Председатель городского Совета Ворошилов сказал: оружие в Луганске есть.

— Где есть?

— Где?

— У гайдамаков, — ответил Пархоменко.

— Их здесь три роты. До каких пор мы будем терпеть эту контру у себя под носом? Они хотят возвратить землю помещикам. Надо разоружить их и выставить из города.

* * *

У ворот гайдамацкой казармы горел фонарь. В его свете туда и сюда ходил часовой. За светом фонаря — непроглядная темнота. Вдруг из неё вылетел камень... Дзины!

Фонарь погас.

Часовой хотел поднять тревогу, но на него накинули мешок и связали.

Скрикнули ворота, и отряд во главе с Пархоменко проник во двор казармы.

...В караульном помещении начальник караула, подняв руки вверх, тупо смотрел на револьвер, наведённый Пархоменко.

— Снять всех часовых и разоружить! — приказал он гайдамаку.

— Бойченко! — позвал Пархоменко красногвардейца.

— Слушаю!

— Возьмёшь людей и пойдёшь с начальником караула. Арестованных привести сюда. Даю пять минут.

— Есть!

Скоро обезоруженные часовые были доставлены в караульное помещение.

— Охранять их! — скомандовал Пархоменко и выбежал во двор.

— Окружить казарму! — быстро проговорил он вполголоса, обращаясь к красногвардейцам, и с группой в десять человек бесшумно вошёл в казарму.

Гайдамаки спали. Красногвардейцы заняли проходы между нарами.

— Всем лежать! Вы окружены! — прогремел голос Пархоменко.

Гайдамаки, увидев наставленные на себя винтовки, не шевельнулись. Красногвардейцы стали выносить из казармы оружие. Вскоре приехал грузовик и увёз его.

БРОНЕПОЕЗД ПОД ЧЁРНЫМ ФЛАГОМ

Стоял декабрь 1917 года. Была оттепель, и шёл дождь.

В кабинет Ворошилова вошёл Пархоменко. Его кожаная тужурка была мокрой.

— Здравия желаю, Климент Ефремович! Командир Красной гвардии города по вашему приказанию прибыл, — доложил по-военному Пархоменко.

— Здравствуй, Александр Яковлевич! Жду тебя. Садись. Хочу посоветоваться. Получено сообщение по телеграфу. Новочеркасские товарищи просят срочно о помощи. Белые на них насаждают. Твоё мнение?

— Немедленно направить туда бронепоезд, тот, что на станции стоит.

— Согласен. Но тут одна сложность есть. Часа полтора назад у меня были анархисты. Представители команды бронепоезда. Требуют, чтобы Советская власть их кормила и одевала. Не то, говорят, сами прокормимся. Иначе говоря, силою оружия.

— А как они в Луганск попали?
— Вместе с Московским отрядом Красной гвардии.
— А отряд где?
— Уехал с белыми воевать.
— Разрешите тогда заставить их выехать на бронепоезде в Новочеркасск.

— Выполняй! Будь только осторожен.
Скоро на станции, где стоял бронепоезд, появился Пархоменко.

Пошёл мокрый снег. Он ложился тонким слоем на орудия бронепоезда и чёрный от грязи перрон, по которому разгуливали анархисты. Ветер развевал ленты их бескозырок. На паровозе бронепоезда трепетал чёрный флаг.

Пархоменко не спеша шёл вдоль состава, внимательно осматривая его и незаметно кося глаза на анархистов. На всякий случай растегнул висящую на поясе жёлтую кобуру. В ней поблёскивал наган.

Пархоменко заметили. Анархисты насторожились и столпились у переднего вагона.

Пархоменко смело смотрел на них в упор. Он повернулся спиной к вагону бронепоезда, напротив которого стояли анархисты, и сказал:

— Я, как представитель Советской власти и командир Красной гвардии, спрашиваю вас: почему бронепоезд стоит в Луганске?

— Ну и спрашивай сколько влезет! — закричал в ответ один из анархистов.

— Мы тебе отвечать не собираемся, — поддержал другой. — Подумаешь, какой командир нашёлся!

Стоящий впереди коренастый толстогубый анархист, должно быть, их вожак, внезапно взвизгнул:

— Ну чего вы смотрите на него? Хватай его, ребята!

Все бросились к Пархоменко.

— Назад! — скомандовал он и выхватил из кобуры наган. Час-то забило сердце, лоб стал влажный.

Анархисты отскочили и стали метрах в пяти от Пархоменко. Он почувствовал, что они вот-вот могут броситься снова.

— Ещё командует, дьявол!

— Первый, кто приблизится, получит пулю, — предупредил Пархоменко. Лицо его было бледным, но спокойным. Опуская руку с наганом, спросил:

— Может быть, всё-таки выслушаете меня?

В это время один из анархистов незаметно обогнул бронепоезд и на четвереньках вполз под вагон. Анархист увидел ноги, обутые в сапоги, опущенную руку с наганом — дулом, направленным

вниз. Очень осторожно потянулся к дулу, внезапно схватил и выдернул наган из руки. Толстогубый тут же с разбега прыгнул на Пархоменко и обхватил его шею, другие анархисты вцепились с боков.

Пархоменко расшвырял их, пнул ногой одного, другого и сбросил висевшего у себя на шее. Но тут кто-то ловко дал ему подножку, и он упал. Ему вывернули назад руки и стали втаскивать в вагон.

Кусая до боли губы, Пархоменко проговорил:

— Значит, вы всегда так, подлые души, семеро против одного?..

Через минуту бронепоезд отошёл от станции.

Анархисты бросили Пархоменко на скамейку в купе и ушли.

Он поднялся, высокий, в кожаной тужурке, перекрещенной ремнями, и начал ходить по купе: три шага вперёд, три назад. Ремни поскрипывали. «Ну просто как курёнка сцапали. Эх ты, голова — два уха! И ещё командиром называешься», — ругал себя Пархоменко. Правой рукой нащупал в кармане запасной револьвер. «Ну ничего, живым не дамся, — подумал он и защёлкнул дверь в купе. В коридоре послышались шаги. Дверь начали сильно дёргать. Стенка купе задрожала. Защёлка вот-вот должна была выскочить из своего гнезда.

Пархоменко подошёл к двери. Вынул револьвер.

— Открывай! — потребовал высокий голос.

— Эй ты, командир без отряда, освобождай купе: нам там барахло сложить надо, — заговорил другой.

— Которое награбили? — спросил насмешливо Пархоменко.

— Ему жить три минуты, а он ещё огрызается. Можешь считать себя трупом, — послышалось за дверью. — Открывай, расстреливать тебя будем.

— Первого, кто войдёт сюда, прикончу, — твёрдым голосом сказал Пархоменко. — С врагами Советской власти стесняться не буду.

Резким движением он открыл дверь и стал в её проёме с револьвером.

Анархисты от неожиданности попятились назад. В ту же секунду Пархоменко выхватил из-за пояса гранату у ближайшего к нему анархиста.

— Ну заходи! Кто первый? Взорву вас и себя.

— Братва, тикай! Он бешеный! — закричал рыжий в бескозырке.

Все в страхе бросились в дальний угол коридора.

— Трусые! Вам только с беззащитным воевать. Променяли революцию на тряпки и жратву. Ваши товарищи сейчас с белыми

насмерть бьются. Кровь проливают под Новочеркасском. За счастье рабочих и крестьян сражаются. За таких, как вы.

Анархисты молчали. Только один из них, толстогубый, закричал:

— Чего его слушать! Хватайте! Вместо вольной жизни он хочет заставить нас воевать.

— Вот такие, как он, — громко сказал Пархоменко, — честных людей с правильного пути и сбивают.

— Братва! смотри на этого честного. Говорят, он конокрадом был. Видали мы таких, — не унимался толстогубый.

— Правильно Лёшка говорит!

— Тоже нам командир нашёлся!

Пархоменко заметил, что большинство молчало, переминалось с ноги на ногу, не знало, как быть. Значит, слова его не пропали даром. И бас командира зазвучал чётко и уверенно:

— Я вижу, среди вас много матросов. А они всегда были и есть самые первые помощники революции. Как же вы с анархией спутались? Почти бандитами стали. Не уважаете своё матросское звание.

Вдруг высокий рыжий матрос сорвал со своей головы бескозырку и кинул об пол.

— Правильно он говорит, братва: мы, матросы, есть первые борцы со всякой контрой! Баста! Перехожу к Пархоменко, потому с таким командиром хоть в огонь, хоть в воду. Один супротив нас не сдрейфил.

Рыжий поднял свою бескозырку, надел её и зашагал к Пархоменко.

— Товарищ командир, я с вами. Сбили нас анархисты с толку.

— И то верно! — подхватил другой матрос. — Подсели они по пути в наш бронепоезд и начали одурачивать: мы, мол, не признаём власти — ни белую, ни красную. Жизнь у нас вольная. Присоединяйтесь к нам. Уж вы извините, что так получилось.

И он решительно пошёл за рыжим.

Многие из матросов сомневались и раньше: правильно ли они сделали, связавшись с анархистами. А увидев, что их товарищи переходят к Пархоменко, перестали сомневаться и двинулись к нему.

— На что свободу меняете! — заорал толстогубый. Но его не слушали. Скоро из тридцати человек около него осталось шестеро.

Наступила тишина. Слышно было, как стучат колёса вагонов идущего бронепоезда.

— Я вас в последний раз спрашиваю, — заговорил Пархоменко, — будете воевать за Советскую власть?

— Мы Советам не подчиняемся, — сказал кто-то.

— Разоружить и выкинуть из поезда! — приказал Пархоменко. К анархистам двинулись матросы.

— Бросай оружие!

Анархисты попятились к выходу на площадку вагона. Потом бросились бежать. И, не дожидаясь, пока их выбросят, стали на ходу выпрыгивать из поезда.

А он стремительно летел к Новочеркаску.

ОДИН ПРОТИВ ШЕСТЕРЫХ

В 1919 году Харьковским военным округом командовал Ворошилов. Пархоменко был начальником Харьковского гарнизона.

В один из майских дней Ворошилов, хмуясь, быстро ходил по кабинету.

Пархоменко стоял у окна, напряжённо смотрел на висевшую на стене карту военных действий и барабанил пальцами о подоконник.

Недавно стало известно, что Екатеринослав захватили банды атамана Григорьева и хозяйничают там во главе с Максютой.

— И видишь ли, Александр Яковлевич, — продолжал разговор Ворошилов, — бандиты, их там около шести тысяч, грабят жителей и убивают коммунистов.

Пархоменко стукнул кулаком по подоконнику:

— Надо выбросить из Екатеринослава эту нечисть!

— Сил у нас мало, — сказал Ворошилов. — Могу дать только шестьсот бойцов.

— Согласен, — ответил Пархоменко.

• • •

Тихой ночью у моста через реку Днепр стояли люди. Они охраняли мост и въезд в город Екатеринослав. Он начинался за рекой: в темноте светились редкие тусклые огоньки.

Люди смотрели в степь, она была перед ними. Оттуда до них доносилось тархтенье. Оно становилось всё слышнее и слышнее.

— На телеге кто-то катит, — сказал один из охраны.

Потом показал рукой на светлую полосу.

— Рассвет скоро.

Полоса появилась на самом краю неба, в той стороне, откуда ехала телега.

Наконец показалась лошадь.

— Стой! — закричали у моста. — Стой, стрелять будем!

— А мы стоим, — ответили с телеги. Там сидело трое крестьян.

Охрана окружила телегу.

— Откуда едете? Что везёте?

— Да вот муку на базар.

— А ну посмотрим, что у вас за мука.

— Ни с места! Руки вверх! — раздалась из темноты команда.

Охранники быстро обернулись. К ним бросилось несколько человек с винтовками. Через несколько минут с охраной было покончено, и у моста появилась новая.

Лошадь с телегой повернула обратно и вместе с крестьянами понеслась туда, где всё больше и больше светлело небо... Домчались до оврага. Там расположился красноармейский отряд. Бойцы стояли, опираясь на винтовки, сидели на покрытых травой склонах.

Один из крестьян подбежал к широкоплечему высокому человеку и, отдавая честь, быстро проговорил:

— Товарищ командир отряда, ваш приказ выполнен.

— Молодцы! — похвалил Пархоменко.

— Товарищи! — сказал командующий отрядом и поднял руку.

Все затихли и смотрели на него.

— Товарищи! Сейчас мы выступаем на Екатеринослав. Мост в наших руках. Вы знаете, нас мало. Но мы с вами отряд революционных борцов за Советскую власть, и в этом наша сила. И хоть врагов больше, они слабее. Им нечего защищать, кроме своей бандитской шкуры. Мы идём освобождать рабочих — братьев по классу и всех честных людей.

Говоря, Пархоменко время от времени подымал и опускал свой тяжёлый кулак.

— Вперёд на врага, товарищи!

Отряд двинулся к Екатеринославу, перешёл мост и остановился на окраине города.

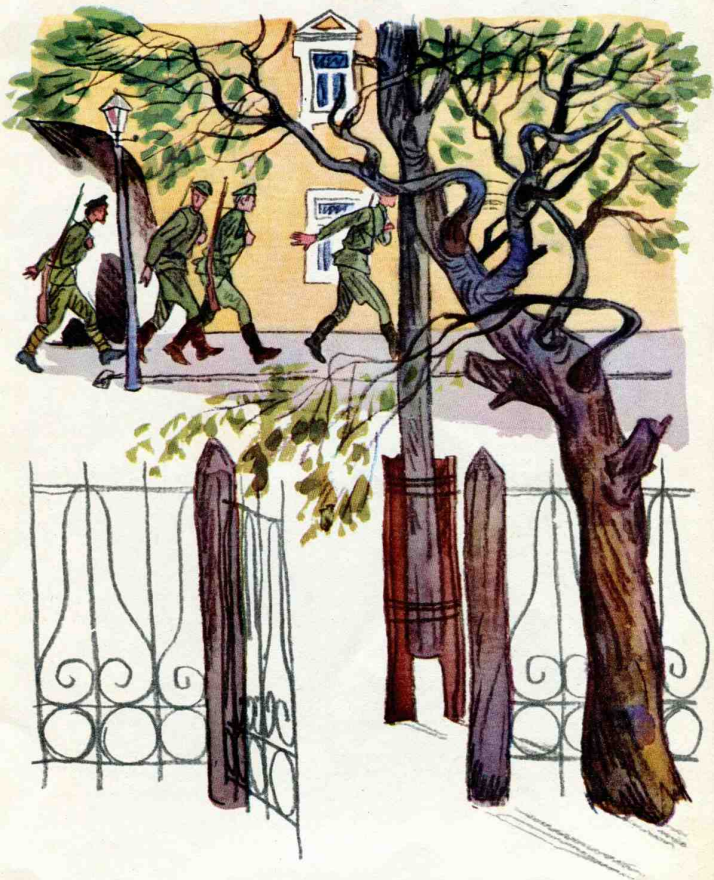
Красноармейцы развернули орудия для обстрела. Наготове были и два броневика.

Пархоменко взял шестерых красноармейцев в разведку.

Вышли на главную улицу. Она тянулась вдоль Днепра. Первые солнечные пятна легли на стены домов с плотно закрытыми ставнями и дверьми.

На улице не было ни одного человека: жители боялись бандитов.

Разведчики шли по теневой стороне гусиным строем: один за

другим. Было тихо. Вдруг впереди зафырчал мотор, и откуда-то сбоку выскочил открытый автомобиль. В кузове сидело несколько человек в военной форме. Рядом с шофёром один с пулемётом. А позади — четверо. Автомобиль затормозил и остановился. Разведчиков увидели. К Пархоменко подбежал красноармеец.

— Товарищ командир! Вон справа Максютя сидит. Я его видел. Он нашу деревню грабил.

— На ловца и зверь бежит, — сказал Пархоменко. — Пойду с ним побеседую. Ждите моего сигнала. На первый же выстрел бегите к автомобилю. Сами не стреляйте. И пока войдите в подворотню. Следите за мной.

Покусывая свой длинный тёмный ус, Пархоменко вышел на середину мостовой и зашагал к автомобилю. Он шёл медленно, немного вразвалку. Его кожаная куртка ярко блестела на солнце.

Сидящие в автомобиле направили дула своих револьверов и пулемёт на идущего. Приближаясь, Пархоменко разглядывал Максюту, его длинные, почти до плеч, волосы и маленькие чёрные глазки на бледном лице. И постепенно ярость всё больше и больше охватывала Пархоменко. Когда он подошёл совсем близко, Максютя спросил:

— Что делаешь здесь?

— У меня донесение есть.

— Кто такой?

— Только Максютя скажу.

— Я Максютя. Докладывай.

Люди в машине опустили оружие, приняв Пархоменко за своего.

Пархоменко прыгнул на подножку автомобиля, схватил руку Максюты с револьвером, а свой приставил к его виску.

— Всем не шевелиться! Вы окружены!

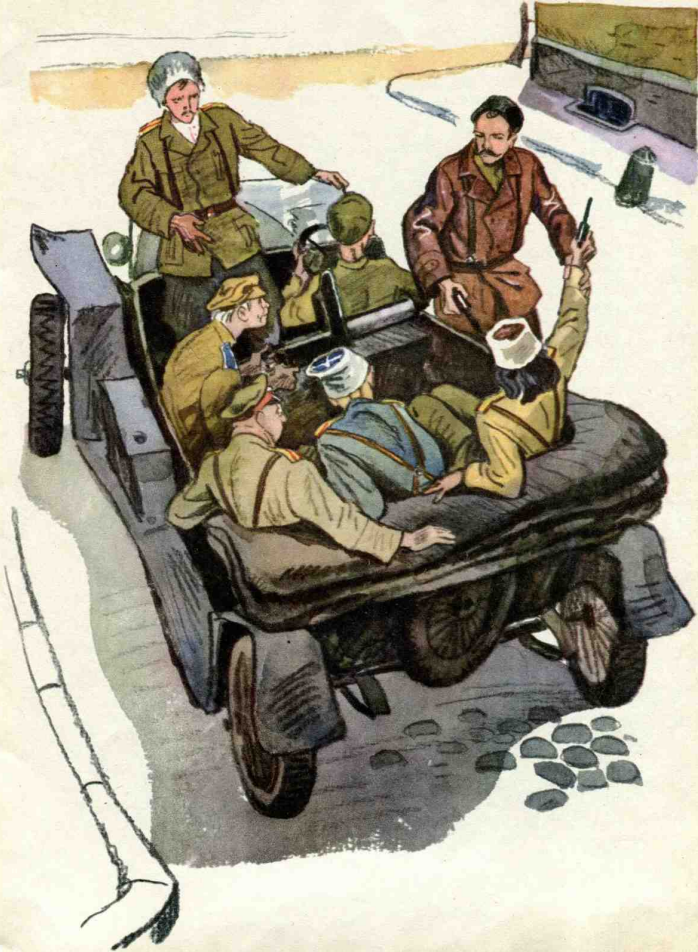
Максюта пытался вырвать свою руку из стальных пальцев Пархоменко. Это ему не удалось. Остальные от неожиданности застыли.

— Ты с ума сошёл, мерзавец. Я командующий войсками! — завопил Максютя от боли и страха.

— Командующий, да только бандитскими войсками, — сказал Пархоменко и спустил курок.

Выстрел гулко прозвучал в тишине утренней улицы. Максютя привалился к борту автомобиля. Остальные с ужасом смотрели на чёрное дуло револьвера, которым Пархоменко водил перед их глазами.

На выстрел уже бежали красноармейцы с винтовками наперевес. Они быстро окружили автомобиль, взяв каждого из сидящих в нём на прицел.

Первым опомнился сидевший рядом с шофёром пулемётчик и стал быстро наводить пулемёт на стоящего сзади него Пархоменко.

Пархоменко успел свободной левой рукой схватить ствол пулемёта, двинуть его в сторону от себя и прижать к спинке переднего сиденья.

— Этих связать! — приказал Пархоменко, показывая дулом револьвера на бандитов. — Шофёр повезёт нас. Пулемётчика не трогать, он храбрый. Пусть с нами повоюет. Сделаем из него хорошего красноармейца. Вперёд к отряду!

Пархоменко вытер тыльной стороной ладони потный лоб и шумно вздохнул. Только теперь он понял, что каждую секунду мог быть убит бандитами.

— А теперь мы возьмём город, — сказал Пархоменко.

НАЧДИВ ЧЕТЫРНАДЦАТЬ

Было это в июне 1920 года на подступах к городу Новоград-Волынский.

На Украину весной того же года напали белополяки. Это была армия польских панов — капиталистов и помещиков.

Первая Конная под руководством Будённого и Ворошилова двинулась освобождать Украину. Впереди главных сил армии шла Четырнадцатая кавалерийская дивизия. Ею командовал Пархоменко.

Сейчас с холма он наблюдал в полевой бинокль за движением отряда, который был послан в разведку. Пархоменко сидел на высоком вороном жеребце. На плечи была накинута чёрная бурка.

— Добре скачут хлопцы! — с удовольствием сказал Пархоменко.

Отряд разведчиков миновал ложбину и пересекал поле. Зелёная трава, мокрая от утренней росы, касалась сапог всадников. Впереди, по правую руку от них, показалась сосновая роща. Над её соснами появился край солнечного круга. Только отряд поравнялся с рощей, как оттуда внезапно выскочили белополяки и, с рёвом размахивая над головами саблями, бросились на разведчиков. Те растерялись — атака оказалась слишком неожиданной. Многие даже не успели вытащить сабель из ножен и стали поворачивать коней обратно.

Вдруг вдалеке раздалось:

— Ура-а-а!

Оно становилось всё слышнее и слышнее. Наконец «ура» загремело совсем близко. Послышался топот лошадиных копыт. Всадники выскакивали из ложбины — сперва над травой поля показывались острия поднятых сабель, а затем фигуры всадников, они заходили белополякам в тыл. Впереди всех галопом неся Пархоменко. «Товарищи гибнут. Скорей, скорей на помощи!» — думал он, без конца прищипывая лошадь. Его чёрная бурка развевалась. Казалось, что за спиной у Пархоменко распластаны крылья.

Прямо на него мчался на сером коне офицер с поднятой саблей. Он с маху опустил её, и она со звоном скрестилась с саблей Пархоменко.

— Ну, пан, молись своему богу, может, в рай попадёшь! — закричал офицеру Пархоменко, привстал на стременах, высоко занёс над голову саблю.

Разведчики оправились от неожиданного нападения и яростно кинулись на врага.

Белополяки стали подымать руки кверху.

— Сдаёмся! — кричали они.

После боя Пархоменко, сбросив бурку, сидел на поваленной сосне у опушки рощи и допрашивал высокого офицера с худым лицом, стоящего навытяжку перед ним.

— Ну, пан, что там под Новоград-Волынском делается? Только правду говори, если тебе дорога голова.

— Пан генерал может не сомневаться, — пролепетал офицер.

Его близко поставленные глаза косили от страха. Он рассказал, что берег реки Случ у города сильно укреплён, сообщил о расположении воинских частей и их численности. Пархоменко срочно собрал свой штаб, чтобы решить, как действовать дальше: надо было выполнить приказ командарма Будённого — взять вместе с другими дивизиями Новоград-Волынск.

ВОДЯНЫЕ ЧЕРТИ

Четырнадцатая дивизия вышла к реке Случ. Пленный офицер сказал правду. На том высоком берегу были окопы противника. Оттуда ухали орудия.

Первой начала переправу четвёртая рота третьей бригады. С той стороны немедленно начался обстрел. Вода сразу вскипела от пуль и окрасилась кровью. Скоро всадники повернули обратно.

На воде плавали будёновки. Медленно погружались в воду убитые лошади. Рота потеряла семнадцать бойцов.

Вскоре в бригаду прискакал Пархоменко. Остановилось наступление. Командарм Будённый час назад вызывал его. Потребовал все меры принять, чтоб Случ форсировать. А тут ни с места!

— Почему до сих пор не выполнен приказ о форсировании Случа? — спросил он строго у командира бригады.

— Пытались несколько раз, товарищ начдив. Не даёт пан нам хода. Несём потери. Как дождём из пулемётов сыплет, да ещё орудиями помогает. Вон как берег изрыл.

— Так что же, комбриг, выходит, нам зимовать здесь придётся? — вспылил Пархоменко. — Может, окопы готовить прикажешь?

Комбриг молчал. Начдив сердито и неторопливо постукивал сложенной вдвое плёткой о голенище своего правого сапога.

— Нет, не позволено это нам, — ответил сам себе Пархоменко. — Для нас остановка — значит поражение. Ну-ка, давай пошлем переправу.

Они поскакали вдоль реки, держась подалее от берега, чтобы не достала белопольская пуля.

— Вон смотри, комбриг, — сказал Пархоменко, останавливая коня и указывая плёткой на реку.

— Там, где бухточка, товарищ начдив?

— Самое место для переправы: глухо, тихо...

Берега бухточки густо заросли кустами вербы. Плакучие ивы свешивали свои ветви над водой.

Сошли с коней, скрытно подползли к самой реке и замаскировались ветками кустов. В бинокли стали наблюдать.

На том берегу солдат, высунув из окопа голову, смотрел в бинокль в их сторону.

— Видишь? — спросил Пархоменко.

— Застава панская, — ответил комбриг.

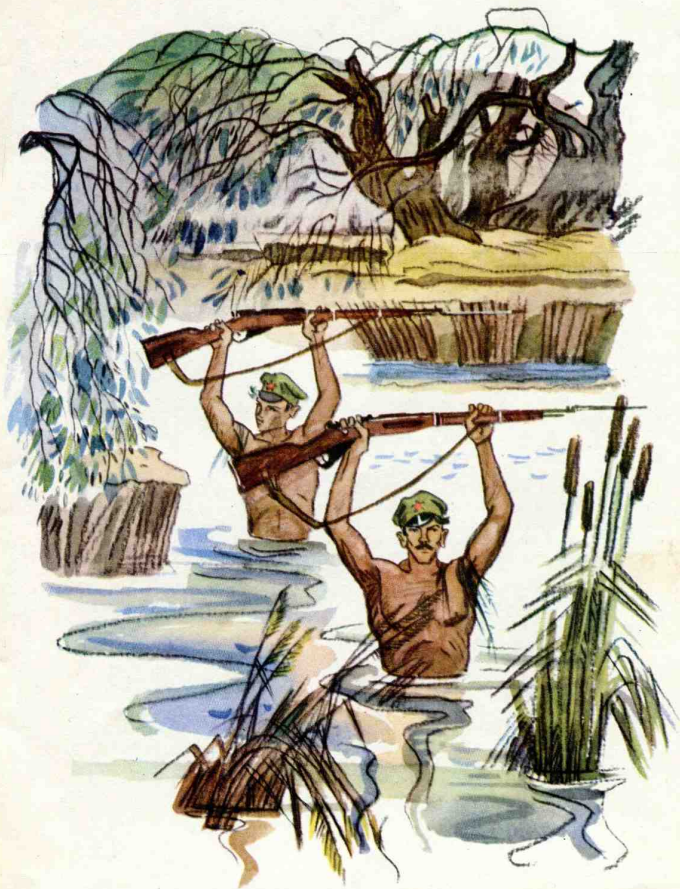
— Убрать!

На рассвете следующего дня Случ покрывал туман. Двое молодых будённовцев, донских казаков, Толоконников и Архипов, сняв одежду, прямо из кустов нырнули в воду бухточки. В руках они держали винтовки с примкнутыми штыками.

Пархоменко, комбриг, командиры полков напряжённо всматривались в туман. Все волновались.

«Доплывут ли ребята? Должны, обязательно должны. Они ведь с Дона — значит, с детства на реке», — думал Пархоменко и крепко сжимал рукоятку шашки.

Шли долгие минуты. Туман постепенно редел, открывая гладкую поверхность реки. Пловцов не было видно.

— Где же они? Где? Неужели потонули? — тихо сказал Пархоменко.

Вдруг у подножья обрыва того берега появились два смельчака. Тёмно-зелёные речные водоросли свисали с их головы и плеч. С них капала вода.

— Ай да молодцы! — негромко воскликнул Пархоменко.

Он посмотрел в бинокль на заставу. Там было всё тихо. Значит, их не заметили.

Архипов и Толоконников по тропинке стали ползти вверх, прячась в густой траве. Вот кончился обрыв. До окопа всего двадцать метров. Но добираться надо почти перед глазами сидящих там четырёх солдат. Сейчас трое из них спали, а четвёртого караульного тоже клонило в сон.

Самое время — пятый час утра.

Неожиданно перед ним появились опутанные водорослями два лица.

Солдату показалось, что это ему снится.

«Водяные черти», — вяло подумал он.

И в этот же момент штык Архипова лишил его жизни. Сильный удар приклада поразил одного из спящих солдат. Третий вскочил. Но тут же был убит. Четвёртого, последнего солдата, связали, а рот заткнули его же фуражкой.

— Вот и языка достали, — сказал Толоконников.

Будённовцы, стоя на краю окопа, высоко поднятыми кверху штыками винтовок просигнализировали своим, что задание выполнено.

Пархоменко на радостях обнял комбрига:

— Герои! Умницы! Теперь действуй! Вперёд на панов!

Бригада, а за ней и остальные части 14 дивизии перешли вброд на тот берег. К вечеру Новоград-Волынь был взят Первой Конной.

Перед строем бригады выступил Пархоменко.

— Товарищи, командование Первой Конной поручило мне вынести благодарность красноармейцам и командирам за умелые действия против врага.

— Ура-а-а! — было ответом начдиву.

— Архипов и Толоконников, ко мне! — скомандовал Пархоменко.

Когда они подъехали, он сказал:

— Поздравляю вас, дорогие товарищи. Командование представляет вас к высшей награде — ордену.

Пархоменко крепко пожал каждому руку.

Утром следующего дня дивизия тронулась дальше на запад. Впереди был город Ровно.

ТАНКИ

В октябре 1920 года, после разгрома белополяков, Четырнадцатая, во главе Первой Конной, шла на Врангелевский фронт. Врангель был последний белогвардейский генерал, ещё не разбитый Красной Армией.

...Ветер гнал по ночной, холодной степи пыль, смешанную с сухими листьями травы и кукурузы, запорашивал глаза красноармейцев в окопах. Пыль хрустела на зубах.

Пархоменко ехал со своими двадцатью ординарцами впереди дивизии. Он первый услышал шум танков, знакомых ему ещё по войне с белополяками.

— Начштаба срочно ко мне! — приказал Пархоменко.

Через несколько минут Колоколов на полном скаку остановил возле начдива своего коня так, что он поднялся на дыбы.

— Музыку слышишь? — спросил у него Пархоменко.

Вдалеке слышался лязг и скрежет железа.

— Танки?

— Они самые — черепахи проклятые... Где мы точно находимся?

Колоколов вынул из полевой сумки карту. Она затрепетала на ветру. Пархоменко взял её двумя руками и развернул. Колоколов, заслонив рукой зажигалку, высек огонь и осветил карту.

— Мы стоим вот здесь, — сказал он, тыча пальцем. — В двух верстах переправа через Днепр. На том берегу Каховка.

Пархоменко смотрел на карту. Глаза были прищурены. Челюсти плотно сжаты. Потом он не спеша заговорил, будто бы про себя, ни к кому не обращаясь.

— По донесениям разведки в Каховке штаб наших стрелковых соединений... Южнее скопились главные силы белых... Наша задача переправиться на тот берег и пойти по тылам врага.

Всё слышнее и слышнее становился лязг и скрежет танков.

Пархоменко вдруг резко повернулся к Колоколову.

— Но ты понимаешь, что это всё значит? Танки могут проложить путь пехоте белых. Они захватят переправу и разгромят штаб в Каховке. Мы останемся в дурнях, а белые будут развивать наступление на север.

Резко повернувшись к ординарцам, Пархоменко приказал:

— Запряжки с орудиями вперёд! Второй бригаде отрезать пехоту противника от танков!

Ординарцы круто повернули коней и поскакали, чтоб передать командирам приказ начдива.

Скоро подъехали конные запряжки с орудиями.

Разведчики поскакали на шум танков и скоро обнаружили движущиеся за ними вражеские цепи. Вторая бригада ринулась в атаку. В этот момент затарахтели пулемёты танков и в черноте ночи замелькали огненные точки.

— Цель обнаружилась! — воскликнул Пархоменко, и командовал:

— Прямой наводкой по танкам пли!

Артиллеристы развернули орудия и навели их на огненные точки. Залп. Взрыв. Огонь. Он словно сорвал тёмный занавес ночи. Впереди открылись четыре огромных танка. Снаряды не повредили их. Два танка стали тяжело поворачиваться в сторону орудийных выстрелов.

— Перекрёстным огнём по танкам пли! — опять командовал надив.

Орудия развернулись и взяли два стальных чудища в кольцо. Вскоре один из снарядов попал в бак с горючим правого танка. Вспыхнул высокий костёр. Ярко заблестели два ордена на кожаной тужурке Пархоменко. Левый танк встал, оттуда высунулся человек и замахал чем-то белым.

— Сдаются! — радостно закричал Пархоменко.

— Огонь прекратить! Нам танки тоже пригодятся.

При свете костра были хорошо видны те два танка, которые шли к переправе.

— Гранатомётчики, за мной!

Вместе с ними Пархоменко поскакал за танками.

Когда до танков оставалось уже немного, часть всадников спешилась. Ординарцы подхватили поводья освободившихся лошадей и усаkali с ними в безопасное место.

— Бросай гранаты! — приказал Пархоменко.

Полетели гранаты.

— Ложись!

Одна, другая... Потом ещё и ещё. Танк стал заваливаться набок. Другой со скрежетом резко повернулся и встал.

Дивизия начала переправу.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Шли дни декабря 1920 года. Был разбит генерал Врангель. Окончилась гражданская война. А бандитская армия Махно всё не давала покоя украинским сёлам: грабила крестьян, убивала коммунистов. Мешала наладить мирную жизнь. Почти два месяца Четырнадцатая дивизия, выполняя приказ командования Первой

Конной — покончить с Махно, гнала его по Украине. Бандиту удалось уходить от полного разгрома, но сил у него становилось всё меньше и меньше.

* * *

— Вот здесь,— сказал Пархоменко.

Его палец упирался в кружок на карте. Возле кружка было написано: Деревня Бузовка.

— Вот здесь мы раздавим гадину. Разведка донесла, что основные силы Махно направляются через Бузовку.

В крестьянской хате шло заседание штаба. Стало темнеть. Зашёл ординарец и повесил к потолку большую керосиновую лампу. Она осветила карту на столе и лица командиров, склонённые над ней. В хате было тепло. Через отверстия в чугунной дверце печки просматривался бушующий огонь. Его отсветы плясали на листе железа, прибитого к полу перед печкой.

— Надо захлопнуть для Махно все выходы из Бузовки,— продолжал говорить Пархоменко. — Ваше мнение, товарищи?

Выступали командиры. Советовались. Решили наступать с разных сторон. Окружить деревню и разгромить Махно.

Утром следующего дня, 3 января 1921 года, Пархоменко, начальник штаба, комиссар дивизии, адъютант и ординарцы на двух тачанках выехали к Бузовке, чтобы руководить боем.

Утро было морозным, небо ясным. Солнце ещё не взошло. По дороге, покрытой выпавшим ночью снегом, ещё никто не проезжал. Мягко, словно по белому одеялу, катили колёса. Дорога спустилась в ложбину. Тачанки пересекли её, поднялись на холм и остановились на его гребне. Внизу виднелся мостик через реку, а за ней на пригорке хаты Бузовки. Неожиданно перед хатами появились верховые. Пархоменко взобрался на сиденье, посмотрел в бинокль и сказал:

— В будёновках. Наверное, разведка третьей бригады. Подъём к ним.

Ездовой тронул вожжи. Показалось солнце, и снег стал золотисто-синеватым. Зажглись на металле рукояток сабель яркие огоньки. Верховые в будёновках скрылись за хатами.

— Что ж они, черти, не ждут нас! — с удивлением воскликнул Пархоменко.

Переехали мост через речку, поднялись к Бузовке. Только стали въезжать в деревню, как на них из-за хат ринулась лавичка конницы.

— Махновцы! Назад! — крикнул Пархоменко.

Тачанки стали поворачивать обратно. Но было уже поздно.

Бандиты брали их в кольцо. Пархоменко выхватил маузер и выстрелил в ближайшего. Тот свалился с лошади. Потом он стрелял ещё и ещё. Ни разу не промахнулся. Рядом с ним бились его товарищи. Вот опрокинулся лицом вниз от удара сабли комиссар. Упал, сражённый вражеской пулей, начальник штаба. Пархоменко ранили в руку. Пальцы разжались, и маузер глухо стукнулся о дно тачанки. Левой рукой он выхватил саблю и крикнул:

— Большевики не сдаются! А вам, бандитам, всё равно конец!

Но тут выстрел сразил его. Он тяжело, будто нехотя, выпал из тачанки на снег. Стрелял в Пархоменко маленький человек с широким лицом и водянистыми зелёными глазами. Его волосы почти касались плеч. Потом Махно выпустил ещё три пули в уже лежащего Пархоменко.

В это время к Бузовке со всех сторон подступали красноармейские полки. И начался страшный бой. Были убиты сотни и сотни махновцев. Бандитская армия перестала существовать.

Воля начдива Четырнадцать была выполнена.

35 коп.

Для старшего дошкольного возраста

Юрий Ильич Каменский

НАЧДИВ ЧЕТЫРНАДЦАТЬ

Художник М. Петров

Редактор О. Лебедев. Художественный редактор Д. Пчелкина. Технический редактор Т. Щепетова. Корректор Н. Пьянкова. Сдано в производство 4/VI-73 г. Подписано в печать 17/XII-73 г. Бумага офсетная № 1. Формат 84×108¹/₁₆. Печ. л. 2,5. Усл. печ. л. 4,2. Уч.-изд. л. 4,36. Тираж 300 000. (Целл. обл. 100 000. Цена 58 к. Лак. обл. 200 000. Цена 35 к.). Изд. № 642. Заказ № 482.

Издательство «Малыш» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, К-55, Бутырский вал, 68.
Калининский полиграфкомбинат детской литературы имени 50-летия СССР Росглаволиграфпрома Госкомиздата СМ РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

К 70801—006 9—74
М102[03]—74